

Тем, кого это касается:

Взяв на себя труд открыть эту книгу, ты автоматически становишься членом избранного круга — Общества Любопытных. Выразить не могу, как я рада, что мы нашли друг друга. Как ты наверняка уже заметила, мало нас осталось.

На этих страницах содержится правдивый отчет о моем первом приключении в обществе легендарной Кики Страйк. Если ты ищешь увлекательного чтения, чтобы скоротать дождливый денек, считай, ты его нашла. Но если ты к тому же не прочь овладеть кое-какими насущными навыками, что ж, тем лучше. Разумеется, я имею в виду отнюдь не те умения, которым обучают в школе. От души надеюсь, что смогу преподать тебе уроки куда более полезные.

Счастливого чтения!

Ананка Фишбейн

ГЛАВА 1

.....

ГОРОД-ПРИЗРАК

До двенадцати лет я жила самой что ни на есть заурядной, ничем не примечательной жизнью — во всяком случае, так сказали бы многие. Описать мой типичный день? Безвкусная жвачка, одно слово: я бежала в школу, после школы возвращалась домой, принимала ванну, шла спать. И хотя я, конечно же, в ту пору этого не сознавала, я просто гибла со скуки.

А потом однажды, в субботу спозаранку, я возьми да и выгляни из окна спальни. Смотрю — а на месте уютного скверика напротив моего дома зияет здоровущая дыра, воронка примерно десяти футов в диаметре, да такая глубокая, что дна не видно. Две софоры японские, позеленевшая мраморная купальня для птиц и статуя Вашингтона Ирвинга исчезли в зеве этой воронки, будто их и не было. А скамейка, на которой я сидела не далее как накануне, балансировала на осклизлом краю ямы.

Такого рода провалы в Нью-Йорке — редкость: здесь земля скована толстым слоем асфальта, настоящей грязи и то годами не видишь. Так что, казалось бы, подобное зрелище должно собрать целую толпу зевак. Но на дворе стоял месяц ноябрь, день выдался пасмурный, на улицах — ни души. Черные тучи нависали над самыми крышами, промозглый туман вылизал шершавым языком все гладкие поверхности. В домах по другую сторону сквера окна складывались в шахматную доску закрытых жалюзи и задернутых штор. На уровне тротуара яму заслонял увитый плющом заборчик, по-прежнему упрямо огораживающий то, что осталось от сквера. Развозной фургончик с изображением косоглазого дракона на боку, не сбавляя скорости, промчался мимо в направлении узких улочек Чайнатауна.

Высунувшись из своего окна на третьем этаже, я заметила, что у самой дыры забор вроде как прогнулся. К одному из столбов была привязана ярко-оранжевая веревка: она тянулась через искалеченные кусты можжевельника и исчезала в дыре. На моих глазах веревка внезапно задержалась, заходила ходуном, а затем из дыры появились две крохотные ручонки и перепачканная физиономия. Существо, которому принадлежало то и другое, проворно подтянулось над краем ямы. Издалека на человека

оно не особо походило. Все тело было облеплено грязью, волосы прилипли к голове. Неизвестное создание выпрямилось — оказавшись сущим коротышкой. Я не знала, что и думать: дрессированная обезьянка какая-нибудь или, может, тролль?

Секунду-другую загадочное существо смотрело вниз, в глубину ямы, словно гадая, выбираться или нет. Затем повернулось и подняло взгляд на меня, будто заранее знало, что я буду маячить в окне. Даже теперь, шесть лет спустя, я как наяву вижу эти глаза — пустые, лишённые всякого выражения. Меня просто мороз продрал по коже, но тут существо приветственно помахало рукой — таким характерным жестом, на манер представителей британской королевской семьи. Затем спрыгнуло обратно в яму, а минуту-другую спустя появилось вновь, перемахнуло через забор и исчезло в тумане. Но прежде — голову даю на отсечение, мне не померещилось! — оно лукаво усмехнулось.

Оглядываясь назад, даже вообразить себе не могу, как сложилась бы моя жизнь, если бы я не набросила поверх ночнушки старое пальто, не сунула босые ноги в розовые меховые боты и не выбежала из дому — поглядеть на яму поближе. Я уже убедилась, что в моей жизни такого рода счастливые случаи выпадают нечасто. Если упустишь — или, подобно столь многим,

не распознаешь, — второй шанс судьба может и не подарить.

На краю ямы я встала на четвереньки и заглянула в провал. Туман к тому времени сменился ледяной моросью, что просачивалась сквозь шнуровку бот и текла по ногам. Руки мгновенно увязли в грязи; в чьей-то квартире, за одним из сотен темных окон, слепо глядящих на меня сверху, глухо и предостерегающе завывала собака. В дыре по-прежнему болталась оранжевая веревка: узловатый конец утопал в слякоти на дне.

Сама яма оказалась куда больше, чем я думала; там, где земля просто просела, ничего интересного не обнаружилось. Однако дыра открывалась в некое подземное помещение вроде комнаты, что уходило чуть в сторону, и над ним-то почва еще держалась. А загадочное существо, между прочим, из необъяснимого великодушия оставило фонарик. Фонарик стоял торчком на столе: столб света освещал комнатушку, одну ее половину сокрушила статуя Вашингтона Ирвинга, зато вторая сохранилась в целости.

Есть на свете люди, для которых правила безопасности превыше всего и которые к жизни подходят с опасливой осторожностью пчеловод-любителей. В глазах таких людей поступок мой выглядит прямо верхом безрассудства. Да,

признаю: человек более ответственный никогда не пошел бы на поводу у любопытства. Более того, я отлично отдаю себе отчет в том, что здравомыслящие и рассудительные взрослые в большинстве своем склонны обходить опасность стороной и всякий раз, обнаружив разверзшуюся в земле яму, спешат поставить в известность органы власти.

Слава богу, мне было только двенадцать, и своего шанса я упускать не собиралась.

С непривычки да еще в такую пакостную погоду спускаться по веревке оказалось непросто: я сорвалась и приземлилась в лужу рядом с Вашингтоном Ирвингом, который лежал, уткнувшись лицом в грязь, придавленный софорой. Морщась от боли, я оперлась на его правое ухо, встала и повернулась к свету.

Я очутилась в маленькой комнате, где царила поразительная чистота. Пара взмахов веником — и хоть гостей принимай. На полу валялись комья земли да куст-другой — и все. В центре сгрудились четыре обшарпанных стола в окружении разномастных стульев. На шероховатых кирпичных стенах висели зеркала в позолоченных рамах, краска чешуйками осыпалась с них на пол. Напротив красовался самодельный бар — деревянная стойка и три полки в глубине, за-

ставленные причудливой формы бутылками. Я готова была поклясться, что эта комната вместе со всем ее содержимым к двадцать первому веку никакого отношения не имеет, да и к двадцатому вряд ли. Здесь царила глубокая старина.

Я подобрала фонарик. Цепочка крохотных отпечатков ног уводила за стойку, и я поспешила по следу. На самой верхней полке, рядом с темно-зеленой бутылкой, скучала в одиночестве какая-то книга. Я вскарабкалась на стойку и, балансируя на шаткой опоре что твой акробат, потянулась к загадочному фолианту. Однако едва я притронулась к корешку книги, как фонарик выскользнул у меня из пальцев и, опрокинув по пути бутылку с вонючей жидкостью, со стуком упал на пол. Я засунула книгу в карман и спрыгнула со стойки за фонариком.

Там, куда закатился фонарик, деревянные половицы были немного покоробленные, а одна слегка оттопыривалась. Я нагнулась, пригляделась внимательнее — половицы оказались сделаны из совершенно иного дерева, нежели соседние. А рядом с торчащей над полом доской, которая, как я только теперь поняла, представляла собою искусно замаскированную ручку, было написано грязью: «Открой меня» — именно так, открытым же текстом, прошу прощения за каламбур. Я и послушалась: ухватила за

край половицы, изо всех сил потянула ее на себя, покоробленные доски со скрипом приподнялись — и глазам моим открылась еще одна дыра.

Это оказался колодец, довольно узкий — обладатель солидного брюшка пролез бы в него с трудом. К стенке крепилась металлическая лестенка. Я осторожно двинулась вниз; лестница пугающе закрипела. Спустившись футов на пятьдесят вдоль стены из плотно слежавшейся земли и камня, я увидела дверь, ведущую в гораздо более широкий горизонтальный туннель, — он шел под землей параллельно городской улице. Я шагнула в проем — и меня словно током ударило, точно я на контактный рельс в подземке плюхнулась. По спине пробежал холодок, пальцы затряслись, во рту пересохло, а волосы встали дыбом. Я не знала, захохотать ли мне от восторга или залиться слезами.

Глубоко под нью-йоркскими улицами я обнаружила целую подземную систему — отчасти смахивающую на Эмпайр-стейт-билдинг*, египетские пирамиды или Великую Китайскую стену, — при виде такого чуда у любого дар речи

* Эмпайр-стейт-билдинг — знаменитый небоскреб в Нью-Йорке высотой в 102 этажа, со смотровыми площадками на 86-м и 102-м этажах и Залом мировых рекордов Гиннеса в цокольном этаже.

пропадет и челюсть отвиснет! Высотой примерно футов в двенадцать, с кирпичными стенами и потолком из прочных деревянных балок, туннель расходился в двух направлениях, и оба его конца терялись из виду, уводя в темноту. Вдоль стен взгляд различал по меньшей мере с дюжину дверей, и каждая была оформлена в своем стиле и цвете: одни — совсем простенькие и заурядные, другие — броско разукрашенные.

Я потянулась было к хрустальной дверной ручке, и тут в комнате над моей головой послышались голоса и характерный топот тяжелых рабочих сапог по деревянному полу. Полагаю, самой естественной реакцией было бы затаиться, но что-то подсказало мне: нельзя допустить, чтобы кто-нибудь обнаружил потайной ход, через который я проникла в туннель. Так что я проворно вскарабкалась вверх по лестнице в первую комнату, закрыла за собою крышку люка и стерла грязевую надпись. И только тогда осторожно выглянула из-за стойки бара.

Посреди комнаты, потрясенно озираясь по сторонам, стояли двое муниципальных рабочих в оранжевых защитных жилетах.

— Ты такое хоть раз видал, а? — спрашивал один.

— Не-а, — протянул второй, помолчав. — Я-то нет, но вот когда я еще мальцом был, а папаша

мой вкалывал на муниципалитет, он мне одну байку рассказал, до сих пор выбросить из головы не могу. Дескать, ребята прокладывали трубопровод к одному небоскребу, их поблизости от Чайнатауна на каждом шагу строили лет этак двадцать назад. Ну так вот, рыли они себе, рыли на глубине метров этак пятидесяти, и вдруг глядь — пустота! Представляешь? Пустота на глубине пятидесяти футов!

— Туннель подземки, небось?

— Не-а, еще глубже. На этакой глубине в районе Чайнатауна ничего не водится.

— Так чего ж это было-то?

— Комната вроде вот этой — только побольше, здоровущая такая! И еще отделана этак затейливо, вроде как модные китайские спальни: тут тебе и соломенные циновки на полу, тут тебе и подушечки, куда ни глянь. А еще папаша рассказывал, там такие диковинные шелковые ширмы были, дракончиками расписанные снизу доверху.

— И чё, там кто-то прятался, что ли?

— То-то и оно, что нет. Ребята даже вход не смогли отыскать.

— Как так — без входа-то?

— Ну, то есть не было там никакой двери, чтоб человеку, например, войти. Просто комната на глубине пятидесяти футов — без окон, без дверей!